

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.8
DOI 10.17223/18137083/62/4

П. С. Шахов

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Взаимодействие устной народной традиции и письменной культуры в фольклоре сибирской мордвы*

На примере фольклорных текстов на эрзянском и мокшанском языках, записанных в Сибири, выявляются особенности взаимодействия устной народной традиции и письменной культуры. Тексты-самозаписи, в которых отражается устная специфика зафиксированных фольклорных произведений, рассматриваются как дополнительный источник изучения процессов взаимодействия устной традиции и письменной культуры. В качестве предварительной классификации текстов, функционирующих в устной традиции, выделено две группы: по форме существования (письменный текст, текст-самозапись, устный проговариваемый и поющий текст) и по типу текста (фольклорный или авторский). Рассмотрены различные типы заимствованных текстов из печатных и медиаисточников, бытующих в устных традициях сибирской мордвы, – заимствованные авторские и традиционные поэтические тексты.

Ключевые слова: песенный фольклор, устные и письменные тексты, эрзя- и мокшанские фольклорные традиции Сибири.

Исследования мордовских (в основном эрзянских) фольклорных традиций Сибири проводились с 1924 по 1986 г. Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики Совета Министров Мордовской АССР¹ (И. С. Сибиряк-Поздеев, Э. Н. Таракина, В. Б. Русакин); с 2007 по 2017 г. мокшанские и эрзянские фольклорно-этнографические традиции стали объектом изучения сотрудников Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глин-

¹ Ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона».

Шахов Павел Сергеевич – кандидат искусствоведения, ученый секретарь Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, pashahoff@mail.ru)

ки и Института филологии СО РАН (Н. В. Леонова, П. С. Шахов)². Материалы последнего десятилетия в наибольшей степени демонстрируют многослойность фольклорных традиций, так как наряду с фиксацией архаического пласта этнической культуры (в свадебных и календарных обрядах и песнях, похоронно-поминальном комплексе), наполненного мифологическими представлениями, в фольклорной традиции существуют более поздние напластования, порой граничащие с фольклоризмом. Однако эти поздние явления также стали частью национальной культуры и участвуют в современных процессах этнической идентификации.

Обрядовые жанры значительно более консервативны, стабильны и менее подвержены изменениям ввиду своей приуроченности к ритуальным действиям, связанности с обрядовыми реалиями. Сфера необрядовой лирики более пластична и способна быстрее реагировать на социально-бытовые, исторические, экономические и пр. изменения.

Цель настоящего исследования – выявить особенности взаимодействия устной народной традиции и письменной культуры на примере фольклорных текстов на эрзянском и мокшанском языках, записанных на территории Сибири (Кемеровская область, Алтайский, Красноярский край, Республика Хакасия).

Письменные тексты в устной фольклорной традиции естественным образом могут появляться в случае ее соприкосновения с культурными традициями, имеющими письменную природу. Такие формы культуры, как православный канон или авторская поэзия, опираются на книжную традицию и, соприкасаясь с устной традицией, оказывают на нее определенное воздействие.

Фольклорный репертуар этноса складывается столетиями и включает разнонаправленные процессы сохранения и изменения традиции, адаптации к современным социо-культурным реалиям. Сама природа устной фольклорной традиции обладает коммуникативной основой, поэтому устная традиция может сохранить и передать текст только в процессе воспроизведения в ситуации непосредственной коммуникации³. В ситуации контакта также возможно заимствование компонентов фольклорного текста (вербального или музыкального). Довольно часто приходится слышать от информантов фразы: «Эту песню привезли из соседней деревни», «Эта песня русская» и пр. В современный век информационных технологий коммуникация значительно расширяется и в качестве посредника в процессе пополнения фольклорного репертуара могут выступать различные явления письменной, а также медиаккультуры. Новая коммуникационная среда обусловила создание новых форм массовой культуры, которые оказали сильное влияние на устную традицию, породили постфольклор [Неклюдов, 1995; 2003].

Письменные тексты могут появляться в устной культуре в процессе самозаписи носителями традиций фольклорных произведений. В приложении представлена опись сибирских текстов-самозаписей на эрзянском и мокшанском языках, собранных с 2007 по 2017 г. В письменных текстах-самозаписях на мордовских языках в жанровом отношении зафиксированы, кроме лирических, круговых песен и частушек, текст поминального причитания (*лайшимат*) и текст заговора. Эти тексты были записаны в тетрадках-песенниках, на отдельных листах и в основном предназначены для исполнения фольклорного репертуара в самостоятель-

² Мордовские материалы музыкально-этнографических экспедиций, записанные на территории Сибири с 2007 по 2017 г. при участии автора статьи, находятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки. В настоящей статье ссылки на эти коллекции даются в круглых скобках (населенный пункт, информант, год записи).

³ Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm>

ных коллективах, а также для использования при проведении ритуальных действий (причитание, заговор). Тексты мордовских песен с переводами на русский язык также были обнаружены в личном письменном дневнике П. И. Кудашкиной, уроженки д. Алексеевка Красноярского края.

В целом, тексты-самозаписи, в которых определенным образом отображается устная специфика зафиксированных фольклорных произведений, являются дополнительным источником в изучении процессов взаимодействия устной традиции и письменной культуры.

В качестве предварительной классификации изучаемых текстов, функционирующих в устной традиции, распределим их между двумя группами коррелятивных пар признаков⁴ (1 – по форме существования, 2 – по типу):

<i>Коррелятивные пары признаков текстов</i>		<i>Тексты, функционирующие в устной традиции</i>
1	Устный Письменный	Проговариваемые и поющиеся тексты Книжные тексты и тексты-самозаписи
2	Анонимный Авторский	Фольклорные тексты Авторские тексты

Рассмотрим различные типы заимствованных письменных текстов, бытующих в устной традиции сибирской мордвы⁵.

Заимствование авторского поэтического текста

Данная группа текстов заимствована сибирскими исполнительницами из опубликованных авторских произведений на эрзя-мордовском языке.

Два таких текста («Од шам ютась» и «Вай, луга, луга») принадлежат Серафиме Марковне Люлякиной – эрзя-мордовской сказительнице и поэтессе второй половины XX в., чья книга стихотворений, сказов и пьес попала в Музей мордовской культуры с. Борисово Алтайского края и стала источником при формировании репертуара фольклорного коллектива «Умарина» [Люлякина, 1994, с. 178, с. 226].

При сопоставлении трех поэтических текстов песни «Од шам ютась» (печатного авторского текста, текста-самозаписи и устного поющего текста) заметно некоторое увеличение фонетических изменений и варьирований от печатного текста к устному (курсивом выделены отличные от печатного образца фрагменты).

Отличия устного текста от письменного связаны с заменой некоторых фонем – «о», «а» на «ы» (*каргонь/каргынь, таго/тагы, кармалавт/кырмалавт, паро/пары*), «е» на «я» (*седейзэнь/сядейсэм, седейть/сядейть, седеем/сядием*), «е» на «и» (*нельгизе/нельгизи, кецявтан/кицявтан*), «и» на «е» (*чоледить/чоледеть*), «о» на «у» (*тундось/тундусь*), «ш» на «ч» (*шам/чкам*). Данные фонетические изменения могут отражать как особенности поющего текста, так и диалектные лексические данные. Название песни «Од шам ютась», приведенное в книге С. М. Люлякиной, в процессе перехода в устную традицию заменилось на название по строке из припева «Вай, монь сядейсэм».

⁴ Этномузыколог И. И. Земцовский определил специфику фольклора как диалектическую систему коррелятивных пар признаков (коллективность – индивидуальность, стабильность – мобильность, полиэлементность – моноэлементность и др.) [Земцовский, 1977, с. 54].

⁵ Переводы на русский язык эрзянских текстов, опубликованных в настоящей статье, выполнила специалист по связям с общественностью Региональной общественной организации «Союз народов Самарской области» В. И. Алексеева, за что автор статьи выражает ей глубокую признательность.

«Од шам ютась» (письменный текст) ⁶	«Од шам ютась» (текст-самозапись)	«Вай, монь сядейсэм» (устный поющий текст)
1. Верьга – менельга Каргонь полк ливтась, Каргонь полк ливтась – Таго тундось сась. Вай, монь седейзэнь, Вай, монь седейзэнь, Вай, монь седейзэнь Телень ловось прась. 2. Нармунь чоледить, Сиянь лейть чудить, Пиже лугава Горниповт цветить. А монь седейсэнь, А монь седейсэнь, А монь седейсэнь, Кирмалавт пупить. 3. Иетне ютыть, Чуди лейкс чудить – Мазый шкась ютась. Сыречимгак сась. Вай, а монь од шам, Вай, а монь од шам, Вай, а монь од шам Нельгизе войнась. 4. Вечкевикс ялган, Морот тенк моран, Паро моросо, Седейть кецявтан. Монськак седеем, Монськак седеем, Монськак седеем, Моросо лацял [Люлякина, 1994, с. 178].	1. Верьга – менельга Каргонь полк ливтась, Каргонь полк ливтась – Таго тундусь сась. Вай, монь седейзэнь, Вай, монь седейзэнь, Вай, монь седейзэнь Телень ловось прась. 2. Нармунь чоледить, Сиянь лейть чудить, Пиже лугава Горниповт цветить. А монь седейсэм, А монь седейсэм, А монь седейсэм, Кармалавт пупить. 3. Иетне ютыть Чуди лейкс чудить – Мазый шкась ютась, Сыречимгак сась. Вай, а монь од шам, Вай, а монь од шам, Вай, а монь од шам Нельгизе войнась. 4. Вечкевикс ялган, Морот тенк моран, Паро моросо, Сядейть кицявтан. Монськак седеем, Монськак седеем, Монськак седеем, Моросо лацял (с. Борисово, Абрашкина М. Н., 2017).	1. Верьга – менельга, Каргынь полк ливтась, Каргынь полк ливтась – Тагы тундусь сась. Вай, монь сядейзэнь, Вай, монь сядейзэнь, Вай, монь сядейзэнь Телень ловось прась. 2. Нармунь чоледеть, Сиянь лейть чудить, Пиже лугава Горниповт цвететь. А монь сядейсэм, А монь сядейсэм, А монь сядейсэм, Кырмалавт пупить. 3. Иетне ютыть Чуди лейкс чудить – Мазый шкась ютась, Сырегимай сась. Вай, а монь од чкам, Вай, а монь од чкам, Вай, а монь од чкам Нельгизи войнась. 4. Вечкевикс ялган, Морот тенк моран, Пары моросо, Сядейть кицявтан. Монськак сядием, Монськак сядием, Монськак сядием, Моросо лацял (с. Борисово, ансамбль «Умари́на», 2008).

В другом заимствованном тексте «Вай, луга, луга», который также принадлежит С. М. Люлякиной, кроме фонетических изменений – замена фонемы «ш» на «ч», «о» на «ы» (*куни́касо/ку́нчкасы*), «е» на «и» (*ки́лейне/ки́лийне, сэ́рейне/сэ́рийне, мазы́йне/мазы́йни*) – имеются замены слов с одинаковым количеством слогов (*аволь/а пек*).

⁶ Перевод авторского текста «Од шам ютась» («Молодость прошла»): «1. Высоко – по небу / Журавлиный полк пролетел, / Журавлиный полк пролетел – / Опять весна пришла. / Ой, на мое сердце (3 раза) / Зимний снег выпал. / 2. Птички поют, / Серебряные речки текут, / На зеленых лугах / Колокольчики цветут. / А в моем сердце / Репьи колются. / 3. Годы идут, / Как ручьи текут, / Красивое время прошло, / Старость моя пришла. / Ой, а мою молодость (3 раза) / Забрала война. / 4. Любимые друзья (подруги), / Песни вам спою. / Хорошей песней / Сердца порадуя. / Я тоже свое сердце (3 раза) / Песней успокаиваю».

«Вай, луга, луга»
(письменный авторский текст)⁷

1. Вай, луга, луга,
Пиже лугине.
Луганть куншкасо
Касы килейне.
2. Касы килейне
Аволь сэрейне,
А пек алкине
Ды пек мазыйне.
3. Сон пек мазыйне
Ашо палясо,
Ашо палясо,
Пиже фатасо...

[Люлякина, 1994, с. 226–227]

«Вай, луга, луга»
(устный поющий текст)

1. Вай, луга, луга,
Пиже лугине.
Луганть кун**ч**касы
Касы кил**и**йне.
2. Касы кил**и**йне
А пек сэ**ри**йне,
А пек алкине
Ды пек мазы**и**ни.
3. Сон пек мазы**и**ни
Ашо палясо,
Ашо палясо,
Пиже фатасо...

(с. Борисово,
Марьина Т. Г., 2008)

Следующие два поэтических текста («Ашо килеесь» и «Таго миник вэльска») также заимствованы исполнительницами из печатных источников. Поэтический текст песни «Ашо килеесь» имеется в нескольких рукописных вариантах. Как между списками, так в сравнении с устным поющим текстом обнаруживаются фонетические отличия (*вечкевикс/вечкевекс, кона/коно, улизэ/улизе, тезень/тезэнь, кизень/кизэнь*) и замены слов (*зярдо/кода, морсекини/морцекинесь*).

«Ашо килеесь»
(текст-самозапись.
Первый вариант)

1. Вант ашо килеесь
Сюлмась пиже паця.
Сон ашти икелень,
Прок вечкеви**и**кс патям.
2. Патям ко**на** сонзэ
Озавтызе тезень.
Кадык седе валдо
Сёксень вэсь улизэ.
3. Кадык кизень валске,
Зярдо солы ковань,
Те килеенть прясо
Морсекини цёковось

(с. Борисово,
Абрашкина М. Н., 2017).

«Ашо килеесь»
(текст-самозапись.
Второй вариант)⁸

1. Вант ашо килеесь
Сюлмась пиже паця.
Сон ашти икелень,
Прок вечкев**е**кс патям.
2. Патям ко**но** сонзэ
Озавтызе тезень.
Кадык седе валдо
Сёксень вэсь улиз**е**.
3. Кадык кизень валске,
Зярдо солы ковань,
Те килеенть прясо
Морцекинесь цёковось.
4. Повторение 1-го куплета

(с. Борисово,
Абрашкина М. Н., 2017).

«Вант ашо килеесь»
(устный поющий текст)

1. Вант ашо килеесь
Сюлмась пиже паця.
Сон аште икелень,
Прок вечкев**е**кс патям.
2. Патям ко**на** сонзэ
Озавтызе тезень.
Кадык седе валдо
Сёксень вэсь улизэ.
3. Кадык кизэ**нь** валске.
Кода солы ковань,
Те килеенть прясо
Морцекинесь цёковось

(с. Борисово, ансамбль
«Умарины», 2011).

⁷ Перевод авторского текста «Вай, луга, луга»: «1. Ой, луг, луг, / Зеленый лужок. / Посередине луга / Растет березка. / 2. Растет березка / Не высокая, / А очень низкая / И очень красивая. / 3. Она очень красивая / В белом платье, / В белом платье, / В зеленой фате...»

⁸ Перевод текста «Ашо килеесь»: «1. Смотри, белая береза / Завязала зеленый платок. / Она стоит передо мной, / Как любимая моя тетя. / 2. Тетя, которая ее / Посадила здесь. / Пусть еще светлее / Осенняя ночь будет. / 3. Пусть летним утром, / Когда растает луна, / На верхушке этой березы / Будет петь соловей».

В другом устном поющемся тексте, также заимствованном из авторской поэзии «Таго миник вэльска», обнаруживаются схожие признаки.

«Таго миник вэльска» (текст-самозапись) ⁹	«Таго миник вэльска» (устный поющий текст)
1. Таго миник вэльска Сэнеже менельга Вяйке, вяйке мяльга Ливтить идим карк.	1. Та гы миник вэль ца Сэнеже менельга Вейки, вейки мельга Ливтить идим карк.
2. Кунцулан покш мельце, Сынь гайнить вэ кельце, Мереть васув кандыть Ламу улят парт.	2. Кунцулан покш мельцэ, Сынь гайнить вя кельсэ, Мереть васув канды ь Ламу улят парт.
3. Или истэ морыть Ушунь сэтне колыть, Мереть нурькалгавтыть Моросо эскинт	3. Или ист я морэ Ушунь сэт минь колэ , Мереть нурькалгавтыть Моросо эскинт
4. Эс чачума таркась Мянилс рисмант ланго Кандызь тундунт чинт (с. Борисово, Абрашкина М. Н., 2017).	4. Эс чачума таркась Менилс рисмант лан га Менилс рисмант ланг Кандызь тундунт чинт (с. Борисово, ансамбль «Умарина», 2011).

Некоторые фонетические изменения, по всей видимости, связаны нормой произношения (*кельце/кельсэ, мельце/мельцэ, вэльска/вэльца, вяйке/вейки, мяльга/мельга, ланго/ланга, таго/тагы*), другие изменения носят диалектный характер (*вэ/вя, истэ/истя*). Поющий текст отличается от текста-самозаписи повторами строф и отдельных строк, а также наличием вставки, сохраняющей количество слогов в строке (*сэтне колыть/сэт минь колэ*).

Следует отметить, что заимствование авторских поэтических текстов в фольклорном репертуаре – это явление совсем новое и демонстрирует современные процессы, происходящие в фольклорной традиции мордвы Сибири.

В сознании носителей традиции «песня» твердо ассоциируется с поэтическим текстом: «Опять песню выучила, но вот мотив подбираю-подбираю... Сейчас с Катей, говорю, надо “назтать” нам. Будем начинать (запевать. – *П. III.*) и потом это... чтобы подпевали» (с. Борисово, Марьина Т. Г., 2008). Песен, бытующих внутри местной этнической традиции, оказывается недостаточно для фольклорного репертуара, поэтому исполнительницы используют для его пополнения письменные тексты, причем тексты на родном языке. При этом не имеет особого значения, авторский это текст или традиционный.

Займствование традиционного поэтического текста

В устной фольклорной традиции в качестве источника заимствования могут выступать опубликованные вербальные тексты фольклорных произведений.

⁹ Перевод песни «Таго миник вэльска» («Опять над нами»): «1. Опять над нами / По синему небу / Друг за другом / Летят дикие журавли. / 2. Слушаю с большим удовольствием, / Они кричат на одном языке. / Как будто далеко несут / Много хороших новостей. / 3. Так поют, что / Уличные мосты ломаются, / Как будто уменьшают / Песней свою дорогу. / 4. Свои родные места / Небо [рисмант ланго] – перевести не удалось / Принесли весенние дни».

В разное время некоторые жители с. Борисово выписывали из Мордовии эрзянский журнал «Сятко», в котором публикуются в том числе фольклорные образцы. Некоторые тексты одного из выпусков журнала (Сятко, 1992, № 9) стали источником заимствований. Например, поэтический текст круговой песни «Вирев молян»:

«Вирев молян»
(опубликованный в журнале «Сятко»
фольклорный текст)¹⁰

1. Вирев молян, чувто керян,
 2. Чувто керян, сока теян.
 3. Сокa теян, модa сокaн,
 4. Модa сокaн, канстьке видян.
 5. Канстьке видян, коцт мон кодан,
 6. Коцт мон кодан, панар викшнян.
 7. Панар викшнян, кужов лисян,
 8. Кужов лисян, моро ранкстан.
 9. Садa, эрзят, садa, ялгат.
 10. Эрзянь моро моратано,
 11. Эрзянь моро моратано,
 12. Вейсэ, эрзят, виевтяно!
- [Еремкина, 1992, с. 62]

«Вирев молян»
(устный поющий текст)

1. **Вирев молян.**
Вирев молян, чувто керян,
Чувто керян, сока теян.
 2. **Сокa теян.**
Сокa теян, **пакся** сокaн,
Пакся сокaн, **кансть мон** видян.
 3. **Кансть мон видян.**
Кансть мон видян, **коцтке** кодан,
Коцтке кодан, панар викшнян.
 4. **Панар викшнян.**
Панар викшнян, кужов лисен,
Кужов лисен, **эрзят тярдян.**
 5. **Садa эрзят.**
Садa эрзят, садa ялгат,
Вейсэнь морот моротано.
 6. **Вейсэнь морот.**
Вейсэнь морот моротано,
Вейсы эрзят мазыйтяно.
 7. **Вейсы эрзят.**
Вейсы, эрзят, мазыйтяно,
Вейсы, эрзят, виевтяно
- (с. Борисово,
ансамбль «Умари́на», 2011).

В представленных текстах заметен процесс адаптации опубликованного фольклорного источника к устной практике. При сравнении печатного и устного фольклорных текстов заметно изменение формы строфы – в поющей версии появился выделенный запев. При адаптации опубликованного фольклорного образца фонетические изменения были сведены к минимуму (*лиян/лисен, вейсэ/вейсы*), но увеличилось количество синонимических замен слов и словосочетаний: «земля» – «поле» (*модa/пакся*), «эрзянскую песню споем» – «вместе песни споем» (*эрзянь моро моратано / вейсэнь морот моратано*), «на поляну выйду, песню затыну» – «на поляну выйду, эрзян позову» (*кужов лисян, моро ранкстан / кужов лисен эрзят тярдян*). В устном варианте (строфа 7) добавлена новая строка «вместе, эрзяне, мы красивы» (*вейсы эрзят мазыйтяно*), которая появилась по аналогии со строкой печатного текста «вместе, эрзяне, мы сильны» (*вейсэ, эрзят, виевтяно*).

¹⁰ Перевод текста «Вирев молян»: «1. В лес пойду, дерево срублю, / 2. Дерево срублю, соху сделаю. / 3. Соху сделаю, землю буду пахать. / 4. Землю буду пахать, коноплю посею. / 5. Коноплю посею, холст я буду ткать. / 6. Холст я буду ткать, рубашку вышью. / 7. Рубашку вышью, на поляну выйду. / 8. На поляну выйду, песню затыну. / 9. Приходите друзья, приходите, подруги. / 10. Эрзянскую песню споем. / 11. Эрзянскую песню споем. / 12. Вместе, эрзяне, мы сильны!»

Опубликованный поэтический текст может накладываться на текстовую версию, бытующую в местной традиции. Пример подобной интеграции – песня «Кавто цѣрат»: «С детишками песню выучила [из журнала «Сятко»] “Эх, дон, маладон, тикше ледеть”. Мы сами [в ансамбле] пели [эту песню], а там [в журнале] по-другому» (с. Борисово, Марьина Т. Г., 2011). Таким образом, песня «Кавто цѣрат» существует в трех текстовых вариантах.

Устный поющий текст (с. Борисово, ансамбль «Умарина», 2008) ¹¹	Форма строфы	
Кавто цѣрат тикше ледеть	а	в
Кавто цѣрат тикше ледеть,	а	в
Тикше ледеть, кума, тикше ледеть,	в /кума/	в
Тикше ледеть, кума, тикше ледеть.	в /кума/	в
Печатный текст из журнала «Сятко» [Пенза енксонь..., 1992, с. 69]	Форма строфы	
Кавто цѣрат тикше ледеть,	а	в
Кавто цѣрат тикше ледеть.	а	в
Дон, дон, маладон, кавто цѣрат,	/Дон, дон, маладон/	а
Еще дон, весело, кавто цѣрат.	/Еще дон, весело/	а
Интегрированный устный поющий текст (с. Борисово, Марьина Т. Г., 2011)	Форма строфы	
Кавто цѣрат тикше ледеть,	а	в
Кавто цѣрат тикше ледеть,	а	в
Эх, дон, маладон, тикше ледеть,	/Эх, дон, маладон/	в
Ещё дон, весело, тикше ледеть.	/Ещё дон, весело/	в

Взяв из опубликованного текста рефренные слова (*Дон, дон, маладон / Еще дон, весело*), исполнительница сохранила структуру припева, бытующего в традиции, с повтором второй половины строки (*тикше ледеть*), а не первой (*кавто цѣрат*), как в опубликованном варианте.

Другой пример объединения опубликованного фольклорного текста с текстом, распространенным в традиции, – песня «Эрзянь Полюня» (с. Борисово). Воспользовавшись опубликованным фольклорным образцом из журнала «Сятко», исполнительница использовала в качестве рефрена местный типовой запев свадебной песни *морцемкат*, состоящий из междометий «Их ваех, вай, ваех».

«Эрзянь Полюня» (опубликованный в журнале «Сятко» фольклорный текст) ¹²	«Эрзянь Полюня» (устный поющий текст)
1. Эрзянь Полюня, Поля-бояравине...	Их вай, ваех, вай. 1. Эрзянь Полюня, Поля-бояравине. (2 раза) Их ваех, вай, ваех.

¹¹ Перевод текста: «Два парня сено косили, / Два парня сено косили, / Сено косили, кума, сено косили, / Сено косили, кума, сено косили».

¹² Перевод текста: «1. Эрзянская девушка Поля, Поля – боярыня... / 2. Поля жила в эрзянском деревенском доме. / 3. Сначала одела свое платье через пятку (снизу), / 4. Потом обула черные, как черемуха, сапоги. / 5. Поля пошла далеко в лес за земляникой, / 6. Навстречу ей тройка лошадей. / 7. На них сидит эрзянский деревенский молодой парень. / 8. Как увидел – сразу Полю сосватал».

2. Полюня эрясь
эрянь велень кудосо.
3. Васня оршизе
кочкарява палянзо,
4. Мейле карсинзе
равжо лемзер кемензэ.
5. Полюня сыргась
васов вирев мастумарьс,
6. Каршонзо сыть
колмос кильдезь алашат,
7. Эйсэст озадо
эрянь велень од цера,
8. Кодак неизе –
сеске Полянть чиизе
[Еремкина, 1992, с. 68].

2. *Полюня сыргась
васу вирев мастуматьс.* (2 раза)
Их ваех, вай, ваех.
3. Васня оршезе
кочкарява палянзо. (2 раза)
Их ваех, вай, ваех.
4. Мейле карсинзе
равжо лёмзёр кемензэ. (2 раза)
Их ваех, вай, ваех.
5. Полюня сыргась
васов вирев мастумарьс.
Их ваех, вай, ваех.
6. Каршонзо, *ды*, сыть
колмос кильдезь алашат. (2 раза)
Их ваех, вай, ваех.
7. Эйсэст озадо
эрянь велень од цера. (2 раза)
Их ваех, вай, ваех.
8. Кодак неизе –
сеске Полянть чиизе. (2 раза)
Их ваех, вай, ваех.
9. *Эрянь Полюня,
Поля-бояравине*
(с. Борисово, Марьина Т. Г., 2011).

В связи с повтором каждой строки и появившимся рефреном форма строфы интегрированного варианта стала трехстрочной. Кроме того, последовательность строф поющего текста не соответствует печатному варианту: вместо второй строфы была исполнена пятая, в конце повторена первая строфа.

Кроме печатных источников заимствования (книга, журнал), в устной традиции функционируют тексты, заимствованные из медиаисточников (радио, телевидение), в процессе присвоения которых действуют схожие адаптационные механизмы. Так, популярная в советское время мордовская народная песня «Умарина», которая звучала по радио в исполнении М. Н. Антоновой, вошла в репертуар сибирской мордвы-эрзя. Приведем устный текст радиоверсии и двух вариантов, записанных в Кемеровской области (с. Николаевка) и Алтайском крае (с. Борисово). Сравнивая представленные устные поющиеся тексты с текстом радиоверсии, можно проследить процесс его адаптации в устной традиции.

«Умарина»
(устный поющийся текст радиоверсии)¹³

1. Чувтонь паро, умарина,
Чувтонь мазы, умарь чувто,
Чувтонь мазы, умарь чувто.

¹³ Перевод текста радиоверсии: «1. Дерево хорошее, яблоня, / Дерево красивое, яблоня, / Дерево красивое, яблоня. / 2. Где уродилась, яблоня? / Где растет, яблоня? / 3. На краю большой дороги она уродилась, / На Казанской дороге растет, / На Казанской дороге растет. / 4. Сильно плачет яблоня, / Сильно горюет яблоня, / Сильно горюет яблоня. / 5. Дерево хорошее, яблоня, / Дерево красивое, яблоня, / Дерево красивое, яблоня».

2. Козонь шачнесь, умаринась?
Козонь каснесь, умарь чувтось?
 3. Покш ки черес сон шачокшность,
Казань ки лангс сон касокшность,
Казань ки лангс сон касокшность.
 4. Пек аварди, умаринась,
Пек сяморди, умарь чувтось,
Пек сяморди, умарь чувтось.
 5. Чувтонь паро, умарина,
Чувтонь мазы, умарь чувто,
Чувтонь мазы, умарь чувто.
 6. Краса земли, ты, яблонька,
Венец весны, умарина,
Венец весны, умарина.
 7. Где родилась, ты, яблонька?
Где ты росла, умарина?
Где ты росла, умарина?
- (аудиозапись радиоверсии
в исполнении М. Н. Антоновой)

«Умарина»
(устный поющий текст.
Первый вариант)¹⁴

1. Чувтонь паро умаринась,
Чувтонь мазый умаринась.
Козонь чачнесь умаринась?
Козонь каснесь умаринась?
 2. Покш ки чирес сон чачокшность,
Казань ки лангс сон касокшность.
Пек аварди умарь чувтось,
Пек сяморды умарь чувтось,
 3. *Ки неIZE пек аварди?*
Ки неIZE пек сяморды?
Уксус чувтось да неIZE,
Уксус чувтось да марIZE.
 4. Краса земли, ты, яблоня,
Венец весны, умаринась
- (с. Николаевка,
Киреева З. С., 2007).

«Умарина»
(устный поющий текст.
Второй вариант)¹⁵

1. Козонь касы умарь чувту?
Козонь чачись умаринась?
Козонь чачись умаринась?
 2. *Пакся* чирис умариска
Пары модась умарь чувту
Пары модась умарь чувту
 3. *Нармунь ливтни* умаринть лангс
Нармунь клюки умарь чувтунь
Нармунь клюки умарь чувтунь
 4. *Сёксня кенирь* умарь чувтусь
Сёксня ламу умаринась
Сёксня ламу умаринась
 5. Где ты росла, о, яблонька?
Где ты росла, зеленая?
Где ты росла, зеленая?
- (с. Борисово, Марьяна М. Г.,
Четвергова Е. Е., 2008)

¹⁴ Перевод текста кемеровского варианта: «1. Дерево хорошее, яблоня, / Дерево красивое, яблоня / Где уродилась яблоня? / Где растет яблоня? / 2. На краю большой дороги она уродилась, / На Казанской дороге она растет / Сильно плачет яблоня, / Сильно горюет яблоня. / 3. Кто увидел, что сильно плачет? / Кто увидел, что сильно горюет? / Вяз-дерево увидел, / Вяз-дерево услышал».

¹⁵ Перевод текста алтайского варианта: «1. Где растет яблоня? / Где уродилась яблоня? / Где уродилась яблоня? / 2. На краю поля, яблоня / На хорошей земле, яблоня. / На хорошей земле, яблоня. / 3. Птица летит на яблоню / Птица клюет яблоню / Птица клюет яблоню. / 4. Осенью созреет яблоня / Осенью много яблок / Осенью много яблок».

Вербальный текст радиоверсии имеет трехстрочную структуру строфы АВВ (исключение: вторая строфа, состоящая из двух строк АВ), две последние строфы исполняются на русском языке. По лексическому составу кемеровский вариант оказывается наиболее близким радиоверсии, но форма его строфы – четырехстрочная (ABCD), при этом третья строфа (выделена курсивом) отсутствует в радиоверсии. Форма алтайского варианта, напротив, соответствует трехстрочной строфе радиотекста (ABV), но имеются новые строки: «По радио когда-то раньше слышали один куплет, а слова мы сами по смыслу придумали» (с. Борисово, Т. Г. Марьина, Е. Е. Четвергова, 2008). Если в сюжетной основе медиаисточника и кемеровского варианта лежит диалогическая конструкция, то в алтайской версии сюжетная конструкция более повествовательная.

Как и в радиоверсии, в обоих сибирских вариантах в завершении песни присутствует по одной строфе на русском языке. К фонетическим отличиям сибирских вариантов стоит отнести замену фонемы «ш» на «ч» (*шачнесь/чачнесь, шачокинось/чачокинось*), что, видимо, связано со спецификой эрзянского языка (в сибирских селах проживают мордва-эрзя, а певица М. Н. Антонова – уроженка мокшанского села Левжа).

Таким образом, процесс перехода медиаисточника в устную форму бытования реализуется в двух вариантах (кемеровском и алтайском): с сохранением лексических оборотов оригинальной версии и изменением структуры строфы (модель «от содержания к новой структуре») и с сохранением трехстрочной композиции радиообразца и изменением поэтического сюжета (модель «от структуры к новому содержанию»).

Выше мы рассмотрели некоторые примеры воздействия письменного текста на устную фольклорную традицию – заимствованные опубликованные авторские тексты (С. М. Люлякина) и заимствованные тексты фольклорных произведений, почерпнутые из книжных или медиаисточников («Вирев молян», «Кавто цёрат», «Эрзянь Полюня», «Умарина»). Все проанализированные тексты зафиксированы в различных населенных пунктах Алтайского края и Кемеровской области, их можно отнести к прецедентным фактам устной фольклорной традиции.

Если авторский текст при интеграции с устной традицией в меньшей степени подвергается изменениям, которые в основном касаются фонетической стороны и некоторых словесных замен, то адаптация фольклорного печатного текста проходит более свободно с изменениями формы строфы, семантической заменой слов и словосочетаний, появлением новых строк текста и пр. Несмотря на то, что заимствованный фольклорный текст имеет печатную форму, он сохраняет специфику устного текста и в процессе его озвучивания, интегрируется в новую фольклорную традицию, демонстрируя гибкость и изменчивость в процессе создания нового фольклорного варианта. Таким образом, фольклорный репертуар пополняется посредством обращения носителей традиций к текстам на эрзянском языке из книжных или медиаисточников.

Процесс заимствования носителями устной традиции текстов из медиаисточников – отдельная область, требующая самостоятельного исследования. Звуковой медиатекст, который нельзя отнести к устной или письменной культуре, оказывает воздействие на устную традицию, особым образом к ней адаптируется.

В фольклорном репертуаре сибирской мордвы распространены текстовые версии авторских или традиционных песен в переводе с русского на родной язык, а также с новым вербальным компонентом.

К перспективам дальнейшего исследования также следует отнести авторское творчество, распространенное в народной среде по сочинению напевов к авторским и традиционным текстам.

Подводя предварительные итоги наблюдений, отметим, что при описании авторских текстов, заимствованных из книжных источников, были сопоставлены

печатные тексты, тексты-самозаписи и устные поющие тексты, что позволило обнаружить увеличение фонетических изменений от печатного к устному тексту. Анализ традиционных поэтических текстов, заимствованных из опубликованных и медиаисточников, продемонстрировал процесс адаптации этих фольклорных текстов к устной практике. Если печатный авторский текст при интеграции с устной традицией в меньшей степени подвергается изменениям, которые в основном касаются фонетической стороны и некоторых лексических замен технического характера (с сохранением количества слогов в строках), то при адаптации печатных фольклорных текстов фонетические изменения минимальны, при этом значительно увеличивается количество синонимических замен слов и словосочетаний, появляются нерегламентированные повторы, перестановки, новые строки, происходит изменение структуры и формы строфы.

Предварительные наблюдения за фонетическими изменениями, обнаруженными при сопоставлении письменных текстов с устными поющими текстами, показали, что среди гласных звуков в устных поющих текстах фонема «е» чаще всего заменяется на «и» или «я», а фонема «о» – на «ы» или «у». Согласный глухой звук «ш» при пении смягчается и меняется на «ч».

При изучении текстов, функционирующих в устной фольклорной традиции, была предложена предварительная классификация текстов по двум группам коррелятивных пар признаков (письменные/устные; авторские/фольклорные).

В связи с тем, что многие приведенные тексты перешли в устную форму бытования совсем недавно, можно сказать, что они носят пограничный характер. Неслучайно Б. Н. Путилов в своих лекциях по фольклористике подчеркивал, что «фольклор – не всякое словесное высказывание, а то, которое становится традицией» [Путилов, 2006, с. 10]. Неизвестно, войдут ли в традицию описанные заимствования из книжных и медиаисточников. Как справедливо отметил С. Ю. Неклюдов, «пока автор не забыт, его произведение не является фольклором»¹⁶. Авторство вносит существенные ограничения на возможность варьирования текста, что весьма отчетливо продемонстрировал изучаемый материал.

Несмотря на то, что рассмотренные тексты можно отнести к явлениям фольклоризма и постфольклора, механизмы, действующие в процессе адаптации письменных и медиатекстов в устной традиции, оказываются вполне фольклорными.

Современное творчество носителей фольклорных традиций по поиску источников заимствования в некоторой степени утрачивает одно из субстратных качеств фольклора – «исполнительскую непреднамеренность» (термин И. И. Земцовского) [Земцовский, 1977, с. 72]. Но тем не менее через это самое творчество по использованию авторских или традиционных эрзянских текстов, переводу текстов, сочинению напевов и пр. происходит актуализация родного языка и этнической культуры, поэтому фольклорные и фольклористические формы выступают на равных в важнейшем процессе идентификации этноса.

¹⁶ Неклюдов С. Ю. Постфольклор: 7 фактов о современном городском фольклоре. URL: <https://postnauka.ru/faq/11073>

**Письменные тексты-самозаписи фольклорных произведений,
зафиксированные в Сибири на мордовских языках (всего 61 лист)**

Место записи	Автор	Содержание	Жанр	Кол-во листов
Письменные тексты-самозаписи на эрзянском языке				
Алтайский край, с. Борисово	Баянкина М. Е.	Причитание на поминальном обряде 40 дней	Лайшимат	5
	Абрашкина М. Н.	Песенник участницы ансамбля «Умари́на»: «Од шкам ютась» (2 варианта), «Тири́нь веле», «Тири́нь велем», «Эрьзо велесь», «Велень ломань», «Семань улыця», «Семеричка карть», «Таго миник вэльска», «Ашо килеесь» (2 варианта), «Вечкемань сэдъ», «Эх, эрзянка, эрзянь ава», «Маря яки горова, горова», «Частушки эрзянь», «Сырнень толтне истя ламу», «Чувтунь мазы умари́на» (2 варианта), «Эрзянь Полюне», «Комолявка» (2 варианта)	Лирические песни	32
		«Самсон леляй», «Луганясонть килейнесь», «Вирев молян», «Кавту цёрат»	Круговые песни	
Кемеровская область	Литяева Е. А. (с. Кочуровка)	«Ам-ам, грызе пурям»	Заговор от грыжи	1
	Бурдина В. И. (с. Павловка)	12 частушек	Частушки	3
	Соколова Э. Д. (с. Николаевка)	«Тятянь мялга», 6 частушек	Лирическая песня, частушки	2
Письменные тексты-самозаписи на мокшанском языке				
Красноярский край	Кудашкина П. И. (с. Алексеевка)	Песни из личного дневника: «Панда, прясa Марюне», «Аванезе кучсымазе», 2 частушки	Лирические песни, частушки	5
	Коннова В. Ф. (с. Жерлык)	«Луганяса келунясь»	Круговая песня	4
		«Ох хоть и шачень удалань», «Второйть Марясь»	Лирические песни	
Алтайский край	Пушкова Г. В. (с. Малый Калтай)	«Вири молян», «Кайцта неян»	Круговые песни	9
		«Якак, якак, ялгакане», 4 частушки	Лирическая песня, частушки	

Список литературы

- Земцовский И. И. Народная музыка и современность (К проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор: Статьи и материалы. М.: Музыка, 1977. С. 28–75.
- Еремкина Т. И. Садо, садо Озксонь кужов (кезэренъ эрзянь койтненъ коряс налксема) // Сятко. 1992. № 9. С. 61–68. [Старинные эрзянские игровые обряды. На эрзян. яз.].
- Люлякина С. М. Ёвтан тыненк, мезде нудеесь морась. Стихотвореният, ёвкст, ёвтамот, пьесат / Пурныцясь И. К. Инжеватов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 320 с. [Расскажу вам, о чем пела свирель: Стихотворения, сказки, сказы, пьесы. На эрзян. яз.].
- Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
- Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор / Под ред. А. Ф. Белоусова, И. С. Веселовой, С. Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 5–24.
- Пенза енксонь морот // Сятко. 1992. № 9. С. 69. [Пензенские песни. На эрзян. яз.].
- Путилов Б. Н. Теоретические проблемы современной фольклористики: Курс лекций для студ. Музыкально-этнографического отд-ния С.-Петерб. гос. консерватории (1995–1995 гг.). СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2006. 315 с.

P. S. Shakhov

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, pashahoff@mail.ru*

Interaction between oral folk tradition and written culture in Siberian Mordvin folklore

Oral traditions are influenced by certain types of written culture (canonical Orthodox Christian writings, literary poetry) and media culture (radio, television). To reveal the interaction between oral folk traditions and written culture Erzya and Moksha folklore texts are studied. Self-recorded texts reflecting the unique traits of oral folklore works are analyzed as additional sources for understanding the processes of interaction between oral traditions and written culture.

For the purpose of preliminary classification of texts functioning within oral traditions, we distinguish the following two groups of texts: according to their form (written texts, self-recorded texts, spoken texts, and sung texts) and their type (folklore or literary texts). The paper considers various types of borrowed texts found within the Siberian Mordvin oral tradition – namely, borrowed literary and traditional poetic works. Native Siberian Mordvin folklore performers use written literary Erzya-Mordvin texts (works by poet and folklore performer S. M. Lyulyakina) in order to broaden their repertoire. Moreover, published Erzya-Mordvin folklore works are also used in their repertoire. To analyze song texts, we compared published texts, self-recorded texts, and oral texts. When describing the borrowed literary texts, we discovered an increase in phonetic changes shifting from published to oral texts. The analysis of borrowed traditional poetry (from published sources and media) shows these texts to undergo a process of adaptation to oral performance needs.

Being integrated with oral traditions, published literary texts undergo a relatively small number of changes (mostly concerning the phonetic level, as well as some technical lexical changes for the sake of preservation of syllable number), whereas the phonetic changes in adapted folklore texts are minimal. However, the number of changes in words and word combinations increases significantly, and unregulated repetitions, changes in the order of lines, as well as changes in structure and form of verses may also be observed. The use of literary or traditional Mordvin texts borrowed from printed or media sources by traditional folklore performers activates the role

of their native language and ethnic culture and is of great importance for the process of ethnic identity formation.

Keywords: song folklore, oral and written texts, Siberian Erzya and Moksha-Mordvin folk traditions.

DOI 10.17223/18137083/62/4

References

Eremkina T. I. Sado, sado Ozkson' kuzhov (kezeren' erzyan' koytnen' koryas nalksema) [Ancient Erzya game rites]. *Syatko*. 1992, no. 9, pp. 61–68. [In Erzya language].

Lyulyakina S. M. *Evtan tynenk, mezde nudees' moras'*. *Stikhotvoreniyat, evkst, evtamot, p'esat* [Will tell you what he sang flute. Poems, fairy tales, tales, plays]. I. K. Inzhevatov (Comp.). Saransk, Mordov. kn. izd. 1994, 320 p. [In Erzya language].

Neklyudov S. Yu. Fol'klor sovremennogo goroda [The folklore of the modern city]. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. A. F. Belousov, I. S. Veselova, S. Yu. Neklyudov (Eds). Moscow, RGGU, 2003, pp. 5–24.

Neklyudov S. Yu. Posle fol'klora [After folklore]. *Zhivaya starina*, 1995, no. 1, pp. 2–4.

Penza enkson' morot [Penza songs]. *Syatko*. 1992, no. 9, p. 69. [In the Erzya language].

Putilov B. N. *Teoreticheskie problemy sovremennoy fol'kloristiki. Kurs lektsiy dlya studentov Muzykal'no-etnograficheskogo otdeleniya Sankt-Peterburgskoy gosudarstvennoy konservatorii (1995–1995 gg.)* [Theoretical problems of modern folklore studies. Course of lectures for students of the Musical-ethnographic Department of the St. Petersburg state Conservatory (1995–1995)]. St. Petersburg, IPTs SPGUTD, 2006, 315 p.

Zemtsovskiy I. I. Narodnaya muzyka i sovremennost' (K probleme opredeleniya fol'klora) [Folk music and modernity (to the problem of definition of folklore)]. In: *Sovremennost' I fol'klor. Stat'i i materialy* [Modernity and folklore. Articles and materials]. Moscow, Muzyka, 1977, pp. 28–75.